

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНАХ ИСТОРИИ**Нефедов С.А.**

Современная историческая наука находится в состоянии глубокого методологического кризиса. Однако существуют экономические закономерности, которые признаны на уровне ООН и которые, по существу, являются экономическими законами истории. Речь идет о мальтузианских закономерностях, в том числе о «железном законе заработной платы». Статья посвящена обзору работ историков неомальтузианского направления.

ON ECONOMIC LAWS OF HISTORY**S.A. Nefedov**

Modern history is in a deep methodological crisis. However, there are economic laws that are recognized by the United Nations and in substance they are economic laws of history. We are referring to Malthusian laws, including the "iron law of wages." The article reviews the works of neo-Malthusian historians.

Существуют ли законы истории? Многие поколения людей искали ответ на этот основной вопрос мироздания. Две тысячи лет назад великий греческий историк Фукидид утверждал, что законы истории, должно быть, подобны законам механики: столь явственно чувствуется их влияние на судьбы людей. Бесконечное повторение событий делает историю похожей на одну и ту же драму, играемую разными труппами в разных странах. Эти труппы из миллионов актеров как будто воплощают написанный кем-то сценарий, но воплощают на разных языках и иногда слегка противоречат друг другу. Фукидид пытался найти скрытый механизм действия этой драмы, но не смог, и тогда он решил как можно подробнее описать происходящее с тем, чтобы кто-нибудь впоследствии разобрался в сути событий.

В наше время, когда в научной и околонаучной среде обсуждается множество теорий, призванных объяснить течение исторических событий, может сложиться впечатление, что поставленная Фукидидом задача так и осталась неразрешенной, что современные ученые знают о законах истории

не больше, чем философы древности. Современное состояние исторической науки принято описывать как кризисное, характеризующееся уходом от поиска общих схем к изучению «микроистории». Еще в 1960-х годах Эдвард Хьюлетт Карр утверждал, что на Западе больше не говорят об «исторических законах», что само слово «причина» вышло из моды [1]. После крушения СССР об исторических законах перестали говорить и на посткоммунистическом пространстве. Большинство российских историков в своих работах следуют «парадигме Ясперса»: «История имеет глубокий смысл, - писал Карл Ясперс, - но он недоступен человеческому пониманию» [2].

Парадокс ситуации заключается в том, что, хотя большинство историков полагают, будто законы истории «недоступны человеческому пониманию», об этих законах хорошо осведомлены экономисты, социологи и политики. Осведомлены потому, что законы истории носят экономический характер, и им посвящены целые главы в учебных курсах по экономике [3]. Речь идет о «железном законе заработной платы» и мальтузианской теории народонаселения. В качестве

Нефедов С.А.

абстрактной теории эти истины были известны давно, но понимание того, что теория действительно описывает реальность, приходило медленно: людям не хотелось принимать такую реальность. Более того, попадая в руки государственных деятелей, эти идеи становились объектом ожесточенной политической борьбы, лозунгом революций и оправданием мировых войн. Поэтому всегда существовали политические партии, клеймившие своих противников за использование этих теорий, изображавшие эти теории как лживые и аморальные.

Мысли о том, что чрезмерный рост численности населения оказывает пагубное влияние на экономическое и социальное развитие, высказывались многими философами, начиная с античных времен. В трудах Платона, Аристотеля, Хань Фэй-цзы перенаселение рассматривалось как причина нехватки пахотных земель, оно приводило к недостатку продовольствия, бедности, голоду и восстаниям бедняков [4].

Начало исследования проблемы перенаселения в Новое время связано с именем основателя демографической науки Томаса Мальтуса. Главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено средствами существования (*means of subsistence*)» [5]. Однако закон природы состоит «в проявляющемся во всех живых существах стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи». Это приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в росте цен и ренты, падении реальной заработной платы и уменьшении потребления. Уменьшение потребления приводит к кризису – к голоду, восстаниям, войнам, эпидемиям. Население значительно сокращается, пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается, но затем процесс повторяется: «возобновляются прежние колебания то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения» [6].

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (Ж.Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо переформулировал эти положения как «железный закон заработной платы», вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской [7]. Важно, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, то есть о *демографических циклах*. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом.

Таким образом, идеи Мальтуса вошли в экономическую теорию, но в XIX веке они оставались только теорией. Мальтузианская концепция изначально описывала закономерности аграрных обществ, но произошедшая в первой половине XIX столетия промышленная революция принесла с собой радикальные экономические перемены. Индустриализация Европы привела к огромному росту средств существования, и мальтузианская теория перестала действовать: рост населения уже не подвергался прежним ограничениям *means of subsistence*. В новых условиях индустриальные страны Европы могли обеспечить свое население обменом промышленных товаров на продовольствие, доставляемое из Америки. Казалось, что это преуспевание может продолжаться вечно: Джон Мэйнард Кейнс писал, что англичане того времени жили в каком-то экономическом Эльдorado, «в такой экономической утопии, о которой прежние экономисты могли только мечтать» [8].

Однако в начале XX века мальтузианские ограничения снова дали о себе знать. Поток продовольствия из Америки сократился, и цены на зерно возросли; промышленные страны стали испытывать затруднения с обменом своих изделий на продовольствие и сырье [9]. В аграрном обществе пе-

ренаселение приводило к борьбе за землю, которая непосредственно доставляла продовольствие. В новом промышленном мире перенаселение приводило к борьбе за возможность обмена промышленных изделий на сырье и продовольствие - началась борьба за колонии, за рынки сбыта и источники сырья. «Не требует доказательства тот факт, что Европа, взятая в целом, не была самодостаточна в продовольственном отношении, - писал Питирим Сорокин, - она не производила и не производит нужного ей количества ни хлебных продуктов, ни мяса. Недостаток покрывался ввозом из других частей света: Америки, Азии и т.д. Отсюда вполне понятным становится, какое значение для ряда государств имеют заморские колонии, служащие для них не только рынком, но, прежде всего, житницей, без которой они существовать не могут. Этим и объясняется, почему такие государства, как Великобритания и Германия, заинтересованы в колониях, и почему борьба за них была одной из основных причин последней войны» [10]. Один из руководителей германского Генерального штаба, генерал фон Бернарди, писал, что «сильные, здоровые и процветающие нации численно растут. С определенного момента они требуют непрерывного расширения их границ. Они требуют новой территории для устройства их избыточного населения» [11].

Целью Германии было не только получение новых колоний, но и увеличение обмена немецких промышленных изделий на продовольствие и сырье путем ликвидации протекционистских пошлин. Провозглашенная канцлером Бетман-Гольвегом в начале Первой мировой войны «Сентябрьская экономическая программа» предусматривала создание свободного для немецкой торговли европейского экономического пространства. «В 1870 г. население Германии равнялось приблизительно 40 млн... - писал Кейнс, - а к 30 июля 1914 г. - приблизительно 68 млн., в годы, предшествовавшие войне, ежегодный прирост

доходил до 850 тыс. ... Из земледельческой и в общем самодовлеющей страны Германия превратилась в огромную и сложную индустриальную машину... Чтобы найти занятия у себя дома для все растущего населения и средства для покупки материалов за границей, Германия должна была обеспечить этой машине непрерывный и полный ход...» [12]

Первая мировая война не смогла разрешить проблему соответствия между численностью населения и доступными продовольственными ресурсами. Германия могла жить только обменом своих промышленных изделий на продовольствие, но она была ограничена в рынках сбыта и источниках сырья. Чтобы облегчить судьбу немецкого народа, Кейнс предлагал создать свободный торговый союз и уничтожить протекционистские пошлины; как признавал английский экономист, это означало принять требование Германии, провозглашенное ею в начале войны. Если же этот проект не будет реализован, предупреждал Кейнс, «отмщение не заставит себя ждать» [13].

Действительно, своекорыстная политика Антанты породила демона отмщения. «Ежегодный прирост населения в Германии составляет 900 тысяч человек, - писал Адольф Гитлер в «Майн кампф». - Прокормить эту новую армию граждан с каждым днем становится все трудней. Эти трудности неизбежно когда-нибудь закончатся катастрофой, если мы не сумеем найти путей и средств, чтобы избежать опасности голода... Без сомнения, урожайность почвы можно до известной степени повысить, но именно только до известной степени, а вовсе не безгранично... Тогда окажется, что при всем прилежании в деле обработки от земли не удастся получить больше того, что получалось. И тогда, хотя и с известной отсрочкой, опять-таки наступит гибель... Пока что существуют гигантские равнины, которые еще совершенно не использованы и ждут своего возделывателя. Кроме того,

Нефедов С.А.

несомненно, что эта невозделанная земля вовсе не предназначена природой заранее определенной нации. Существующие свободные земли будут принадлежать тем народам, которые найдут в себе достаточно сил, чтобы их взять» [14].

Подобные мысли высказывались не только в Германии. «Мы должны признать неудачу в попытках установить равновесие между численностью населения и запасами пищи...» - писал в 1928 году глава японского правительства генерал Танака. «Самоочевидным фактом, - продолжал советник Танаки, барон Окура, - является то обстоятельство, что для излишнего населения Японии первыми странами, которые могут способствовать разрешению этого конфликта, являются Манчжурия и Монголия» [15].

Великий кризис 1929-1933 годов показал, насколько ненадежны основанные на торговле каналы продовольственного снабжения. Нарушение товарообмена привело к тому, что десятки миллионов рабочих лишились заработка и возможности приобрести продукты питания. Голод среди безработных стал реальностью, доказывающей, что мальтузианские законы действуют и в индустриальном мире. Кризис ударил в первую очередь по странам, не имевшим обеспеченных внешних рынков, - по Германии, Японии, Италии. В этих условиях альтернативой свободной торговле и обеспеченному товарообмену становилась война за «жизненное пространство». «Италия желает получить возможность экспансии для плодovitого народа, обработавшего все, что можно было обработать на своей территории и не согласного умереть с голоду», - заявил Бенито Муссолини накануне итальянского вторжения в Эфиопию [16]. «Войны имеют разные причины, - писал Кейнс в 1936 году. - Но самое большое значение имеют... экономические причины войны, а именно чрезмерный рост населения и конкурентная борьба за рынки...» [17].

Однако среди экономистов не было единства в оценке причин и следствий. В

то время как одни из них, такие как Маргарет Сангер, призывали в целях предотвращения войны снять таможенные барьеры, другие - как Едвард Росс - утверждали, что перенаселение является не причиной, а предлогом для развязывания войны [18]. Для многих политиков тезис о перенаселенности Германии был просто «идеологическим оружием агрессора». Историки до сих пор спорят, что же явилось причиной (или причинами) Второй мировой войны. Но нужно отметить два обстоятельства: в начале войны Германия вновь выступила с проектом устранения протекционистских тарифов и создания Европейского экономического сообщества, а после войны, в 1947 году, 23 страны подписали Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), предусматривавшее постепенное снижение таможенных пошлин. В преамбуле этого соглашения прямо говорилось, что «взаимоотношения в области торговли и экономической деятельности должны осуществляться с целью повышения жизненного уровня, обеспечения полной занятости» [19]. Полная занятость - это было то, чего добивались страдавшие от безработицы перенаселенные страны. В 1957 году - можно сказать, во исполнение заветов Кейнса - было создано Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Таким образом, в результате двух мировых войн побежденная Германия все же получила доступ к прежде закрытым для нее рынкам.

Казалось бы, индустриальные страны нашли адекватный ответ на мальтузианскую угрозу, но теперь на первый план вышли проблемы развивающихся стран. В аграрных странах проблема перенаселения означала крестьянское малоземелье, и она могла быть решена либо уменьшением численности населения, либо революцией и разделом между крестьянами земли, принадлежащей помещикам. Именно такое решение проблемы предлагала русская революция. «Население Европейской России увеличилось еще в большей степени, чем население

Германии, - писал Кейнс. - В 1890 году оно было меньше 100 млн., а накануне войны оно дошло почти до 150 млн.; в годы, непосредственно предшествующие 1914 году, ежегодный прирост достигал чудовищной цифры в 2 миллиона... Великие исторические события часто бывают следствием вековых перемен в численности населения, а также прочих фундаментальных экономических причин; благодаря своему постепенному характеру эти причины ускользают от внимания современных наблюдателей... Таким образом, необычайные происшествия последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным... являются, быть может, гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности Ленина или заблуждений Николая...» [20]

После Второй мировой войны густонаселенные страны «третьего мира» были охвачены социальными и национально-освободительными революциями, восстаниями и войнами - послевоенные события вновь продемонстрировали, что перенаселение и голод порождают войны и социальные конфликты. Эти войны грозили вовлечь в себя западный мир; в 1954 года во время встречи с Джавахарлалом Неру Мао Цзедун заявил, что ядерная война не страшна человечеству, поскольку гибель даже половины людей на планете будет оправдана тем, что в этой последней ядерной войне погибнет империализм. В этом заявлении содержался явный намек на то, что для двух наиболее перенаселенных стран сокращение населения путем новой мировой войны не только возможно, но и желательно. Как бы отвечая Мао Цзедуну, делегат США на Всемирной конференции по народонаселению Дж. Андерсен заявил, что человечество стоит перед выбором: либо мировая война, либо путь всеобщего сокращения рождаемости [21]. Джавахарлал Неру не рассматривал эту альтернативу в столь категорическом плане, но, тем не менее, Индия стала

первой страной, объявившей о программе планирования семьи с целью сокращения рождаемости.

Среди социологов и политиков росло понимание того, что избежать голода, войн и революций можно, лишь следуя рецепту Мальтуса, то есть проводя политику ограничения рождаемости. В 1952 году американский Совет по народонаселению выступил с предупреждением, что «значительно возросшие темпы роста населения во всем мире являются серьезной угрозой социально-экономическому развитию, политической стабильности и свободе» [22]. В 1957 году Генеральная Ассамблея ООН впервые призвала своих членов «учитывать взаимосвязи между экономическим развитием и демографическими изменениями» [23]. Через несколько лет был проведен опрос правительств стран-членов ООН, который выявил серьезную озабоченность многих развивающихся стран неблагоприятными экономическими и социальными последствиями быстрого роста населения и их настоятельное желание затормозить этот рост. В 1966 году Конгресс США обусловил предоставление американской продовольственной помощи принятием мер по контролю за рождаемостью. К 1974 году 39 стран, на территории которых проживало более 80% населения «третьего мира», провозгласили мероприятия по контролю за рождаемостью своей официальной политикой [24]. В некоторых случаях это делалось под американским давлением, но принятие аналогичной программы коммунистическим Китаем явно указывает на понимание объективного характера проблем, вызываемых ростом населения.

Таким образом, к 1975 году большая часть правительств проводила мальтузианскую политику ограничения рождаемости либо поддерживало эту политику, проводимую в других странах. Это означало, что они признают мальтузианскую экономическую теорию, признают, что в отсутствие экономического развития рост населения приводит

Нефедов С.А.

к падению потребления, к голоду, войнам и революциям. Страны, на словах борющиеся с мальтузианством, как Советский Союз, предлагали альтернативу ограничению рождаемости в виде социально-экономических преобразований (то есть в виде революции). Явно или не явно Советский Союз использовал то обстоятельство, что, в соответствии с мальтузианской теорией, перенаселение и голод порождают революцию. Уже перечисление хронически голодавших в те годы стран: Мали, Эфиопия, Уганда, Чад, Гаити, Индия, Непал, Бангладеш, Гана, Зимбабве, Гватемала, Ангола, Южный Йемен, Замбия, Мозамбик, Сомали, Сальвадор, Афганистан, Камбоджа, Лаос [25] - показывает, что между голодом и социальными конфликтами существует взаимная корреляция: половина из этих государств стала вскоре ареной восстаний и революций. Некоторые из новых революционных режимов были союзниками СССР – союзниками, которые появились благодаря перенаселению и голоду.

Возвращаясь к проблемам современной исторической науки, необходимо напомнить, что большинство историков – в особенности в России – не признают существования исторических законов. Между тем служащая практическим руководством для многих правительств мальтузианская теория описывает именно исторические закономерности – те экономические законы, которые действовали в прошлом. В XIX и XX веках появились факторы, способные отсрочить мальтузианскую угрозу: промышленное развитие, импорт продовольствия, «зеленая революция» увеличивали средства существования, *means of subsistence*. Поэтому многие экономисты полагают, что человечество открыло «экономическое Эльдorado», и мальтузианская угроза уходит в прошлое. Но в прошлом, в традиционном аграрном обществе, средства существования почти не менялись, агротехника оставалась традиционной, и мальтузианские закономерности должны были действовать со всей силой.

Как отмечалось выше, мальтузианская теория постулирует циклическое изменение цен и заработной платы, которые в ходе демографического цикла должны колебаться синхронно с численностью населения. В 1934 году немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период роста цен в XIII – начале XIV века, сменившийся затем падением цен в XV веке и новым ростом в XVI – начале XVII века. При этом повышение цен сопровождалось падением заработной платы и относительным ростом населения; периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали периодам уменьшения численности населения [26]. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям мальтузианско-рикардианской теории в том смысле, что именно рост населения вызывает рост цен и падение заработной платы, а уменьшение населения вызывает обратные следствия. Однако немецкий историк считал, что падение численности населения в середине XIV века было вызвано не перенаселением, а случайным и внешним фактором – эпидемией «Черной смерти» 1348 года [27].

Следующий шаг в апробации мальтузианско-рикардианской теории был сделан английским историком Майклом Поганом. Поган показал, что эпидемия «Черной смерти» не была случайностью, что уже в начале этого столетия сельское хозяйство не могло прокормить растущее население, и голод 1310-х годов был первым симптомом наступившего перенаселения. М. Погану и Д. Титову удалось доказать, что после 1300 года наметились рост смертности и уменьшение естественного прироста, которые объяснялись падением уровня жизни, что именно падение уровня жизни и постоянные голодовки подготовили почву для губительной эпидемии [28]. Позднее было показано, что сокращение численности населения в начале XIV века (до эпидемии) имело место и в других странах. Таким образом, демографический цикл XII-XIV веков

получил вполне мальтузианскую трактовку, зафиксированную в шестом томе «Новой кембриджской истории Средних веков» [29].

Еще одна проблема, стоявшая перед историками, заключалась в том, как судить о численности населения в отсутствие надежных статистических данных. В работе 1950 года Майкл Постан приводит свидетельства о резком увеличении реальной заработной платы, о падении цен и ренты после 1348 года и затем делает вывод о больших масштабах демографической катастрофы [30]. Здесь мы впервые видим пример обращения теории Мальтуса-Рикардо, когда, исходя из поведения экономических показателей, делается вывод о динамике численности населения. Впоследствии этот вывод был подтвержден данными демографии [31].

Интерес историков к мальтузианской теории рос одновременно с ростом ее популярности у экономистов и политиков. В 50-х годах XX века исследование вековых тенденций занималось значительное число историков в различных странах. На X Международном конгрессе исторических наук в 1955 году группа исследователей в составе М. Молла, М. Постана, П. Иогансена, А. Сапори и Ш. Верлиндена представила новое видение истории позднего Средневековья с точки зрения теории «вековых» демографических циклов [32]. Одним из крупных достижений этого периода была работа Ф. Брауна и Ш. Хопкинса, построивших временные ряды цен и реальной заработной платы в Англии [33]. График, построенный Ф. Брауном и Ш. Хопкинсом, был сопоставлен В. Абелем и Б. Слихером ван Батом с динамикой численности населения, и в результате получилась картина, близко напоминающая теоретические построения Мальтуса и Рикардо [34].

В 60-х годах мальтузианская теория циклов нашла подробное отражение в обобщающих трудах Б. Слихера ван Бата, Р. Мунье, К. Чиппола, Д. Гласса, Д. Эверслея и других авторов [35]. Большую роль в раз-

работке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню [36]. В 1958 году, подводя итог достижениям предшествующего периода, редактор «Анналов» Фернан Бродель заявил о рождении «новой исторической науки». «Новая экономическая и социальная история на первый план в своих исследованиях выдвигает проблему циклического изменения, – писал Ф. Бродель, – она заморожена фантомом, но вместе с тем и реальностью циклического подъема и падения цен» [37]. В 1967 году вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках» [38].

«Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, – писал Фернан Бродель, – это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет – но не до конца! – вторые. *В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным...* Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, которыми оно располагает, изменились... Возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается, а в прошлом неизменно заканчивалась тем, что возможности общества прокормить людей оказывались недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII века, и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран... Демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают... число недоедающих нищих и бродяг. Эпидемии и голод – последний предшествует первым и сопутствует им – восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостающим питанием... Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 год, еще один с 1450

Нефедов С.А.

по 1650, и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду – с 1750 года. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной» [39].

Из других наиболее известных изданий 1960-х годов следует отметить книгу Эммануэля Ле Руа Ладюри «Крестьяне Лангедока», которая является наиболее полным исследованием социально-экономических процессов во французской деревне на основе концепции демографических циклов [40]. В 1967 году вышел в свет четвертый том «Кембриджской экономической истории Европы», в котором теория демографических циклов представлена в разделах, написанных Ф. Броделем, Ф. Спунером и К. Хеллинером [41].

В 70-х годах концепция демографических циклов получает освещение в энциклопедических многотомных изданиях, таких как «Экономическая и социальная история Франции», «История Италии» [42]. В это время выходят в свет обобщающие работы М. Постана «Средневековая экономика и общество», «Очерк средневекового сельского хозяйства и общие проблемы средневековой экономики» [43]. Большое теоретическое значение имело появление в 1981 году исследования А. Ригли и Р. Шофилда «История населения Англии» [44]. Авторы восстановили динамику численности населения Англии с 1541 года и использовали полученные данные как экспериментальный тест для проверки теоретических положений мальтузианской теории. В результате этого исследования математическими методами было подтверждено наличие постулированной Мальтусом и Рикардо тес-

ной связи между темпами роста населения, ценами и реальной заработной платой вплоть до времен индустриализации. Однако после того как английская индустриализация сделала заметные успехи и был налажен массовый ввоз продовольствия из других стран в обмен на промышленные товары, эта корреляция исчезла [45].

Тем не менее авторы «Истории населения Англии» подчеркивали исключительную ценность мальтузианско-рикардианской теории для понимания динамики социально-экономического развития в доиндустриальную эпоху. «При отсутствии какой-либо теории, объединяющей социальные структуры и их динамику, историческое объяснение обречено быть неформальным и эклектичным... – писал Р. Шофилд. – Теория Мальтуса особенно хорошо подходит для объяснения исторической динамики, потому что она не только объединяет концептуальные элементы в структуру, но и явно рассматривает природу динамики этих структур. Теория не просто говорит, что демографические и экономические элементы, такие как прирост населения, цены продуктов питания... связаны, она изучает, как изменения в каждом из этих элементов воздействуют на изменения в других элементах» [46]. Это важное преимущество теории Мальтуса делало возможным аналитическое описание постулированных закономерностей и построение экономико-математических моделей, описывающих реалии прошлого. В 1978 году известный экономист Рональд Ли провел экономико-математический анализ данных Ф. Брауна и Ш. Хопкинса и пришел к выводу о том, что они соответствуют постулатам Мальтуса [47].

В 70–80-е годы XX века учение о демографических циклах носило общее название «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими», «логистическими», «общими», «аграрными», «вековыми», «эколо-

гическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо. Мальтусовский термин «средства существования» в современной терминологии стал трактоваться как вмещающая емкость экологической ниши («carrying capacity»). Это понятие включает территорию и объем ресурсов, находящихся в распоряжении данного общества. Емкость экологической ниши, очевидно, зависит от технологии (в частности, от сельскохозяйственной технологии); технические открытия могут приводить к расширению экологической ниши, поэтому демографическая динамика определяется не только внутренними циклическими закономерностями, но и влиянием технологического фактора. Это влияние особенно сказывается в современных развивающихся странах, где черты прошлого переплетаются с процессами модернизации. Проблема аграрного перенаселения в развивающихся странах была одной из важных практических тем, рассматривавшихся теоретиками неомальтузианства. В частности, капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и в XVII веках, исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах «третьего мира» [48].

Хотя неомальтузианская теория демографических циклов получила довольно широкую известность, она не стала методологической опорой для большинства историков, занимающихся изучением конкретных проблем. Отчасти это было связано с консервативностью исторического сообщества. «Очень нелегко переубедить историков и особенно преподавателей общественных наук, упорно желающих понимать под историей то, чем она была вчера», - писал Фернан Бродель [49]. Еще одной причиной была критика со стороны сторонников других теоретических концепций. 1980-е годы

были отмечены длительной дискуссией между неомальтузианцами Ле Руа Ладюри и Постановом, с одной стороны, и известным историком-марксистом Робертом Бренером. Бренер указал на то обстоятельство, что мальтузианская теория не может объяснить длительную стагнацию населения после «Черной смерти» 1348 года: хотя заработная плата возросла, население в течение столетия не показывало признаков роста. Бренер утверждал, что эта стагнация может быть объяснена лишь с учетом классовых отношений: когда численность крестьян уменьшилась, лорды, во-первых, попытались увеличить ренту, а, во-вторых, с целью получения добычи развязали внутренние войны. Эти войны разрушали сельскохозяйственное производство и препятствовали демографическому росту [50].

В конечном счете эта критика привела к созданию нового, более сложного варианта неомальтузианской концепции - демографически-структурной теории Джека Голдстоуна [51]. В то время как мальтузианская теория рассматривала динамику населения в целом, демографически-структурная теория рассматривает структуру - «народ», «государство» и «элиты», анализируя взаимодействие элементов этой структуры в условиях роста населения. При этом динамика «народа» описывается так же, как динамика населения в неомальтузианской теории. Новым теоретическим элементом является анализ влияния демографического роста на элиту и государство. Демографический рост *элиты* в условиях ограниченности ресурсов влечет за собой дробление поместий и капиталов, то есть оскудение части элиты. Элита начинает проявлять недовольство и усиливает давление на народ и на государство с целью перераспределения ресурсов в свою пользу. Кроме того, в рядах элиты усиливается дифференциация и фрагментация, отдельные недовольные группировки элиты в борьбе с государством обращаются за помощью к народу и пытаются инициировать народные восстания [52].

Нефедов С.А.

Для *государства* рост населения и цен оборачивается падением реальных доходов. Властям становится все труднее собирать налоги с беднеющего населения, это приводит к финансовому кризису государства, который развивается на фоне голода, народных восстаний и заговоров элиты. Все эти обстоятельства, в конечном счете, приводят к революциям и краху («брейкдауну») государства [53].

Нужно отметить, однако, что Дж. Голдстоун первоначально считал, что вековые циклы имеют экзогенный характер, и как рост, так и уменьшение численности населения объясняется благоприятными или неблагоприятными эпидемиологическими и климатическими изменениями [54]. Поэтому, в частности, Голдстоун формально не называл себя мальтузианцем, полагая, что созданная им теория имеет новое качество [55]. Однако в работах автора и американского историка и эколога Питера Турчина было показано, что если отказаться от этого (опровергаемого историческими материалами) положения, то демографически-структурная теория оказывается вполне совместимой с неомальтузианством и, более того, фактически представляет собой весьма перспективное в теоретическом плане расширение неомальтузианской теории [56].

Первым исследователем, указавшим на перспективность использования демографически-структурной теории для объяснения российской истории? был известный американский русист Честер Даннинг. Изучая причины российского кризиса начала XVII века, Ч. Даннинг указал на явления, совпадающие с характерными признаками государственного кризиса по Голдстоуну: на рост населения, сопровождаемый ростом цен, на финансовый кризис государства, на обеднение, раскол и фракционирование элиты. Отмечая необходимость более подробного исследования этого вопроса, Ч. Даннинг сделал вывод о том, что, «как кажется, модель Голдстоуна применима для России» [57].

В монографии «Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России» автором этих строк был проведен соответствующий анализ для двух циклов российской истории (первый из них закончился Великой Смутой, а второй – революциями 1905–1917 годов). При этом было показано, что практически все описанные выше характерные признаки различных фаз демографического цикла реально фиксируются историческими источниками [58].

Последние исследования в области демографически-структурной теории связаны с работами международной «клиодинамической группы» в составе П. Турчина, Т. Холла, А.В. Коротаева, Л. Гринина, С.В. Циреля, Д.А. Халтуриной и некоторых других историков. В частности, непосредственным продолжением исследований Дж. Голдстоуна стала изданная в Оксфорде монография П. Турчина и С.А. Нефедова [59] и монография А.В. Коротаева, А.С. Малкова и Д.А. Халтуриной [60]. В статье, опубликованной недавно в авторитетном журнале «Nature», П. Турчин, ссылаясь на результаты работы этой группы, заявил, что отныне можно говорить об обнаружении реальных, математически доказанных закономерностей исторического процесса [61].

В работах «клиодинамической группы» изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей [62]. Математическое моделирование помогает, в частности, оценить влияние на ход демографического цикла кратковременных климатических колебаний, неурожаев, стихийных бедствий. Оно показывает, что в фазе роста крестьяне имеют достаточные запасы зерна, и колебания урожайности в этот период не могут привести к катастрофе. Однако в последующий период перенаселения такие запасы отсутствуют, что делает экономическую систему неустойчивой. В этих условиях большой не-

урожай или нарушающее хозяйственную жизнь вторжение врагов должны рано или поздно привести к драматическим последствиям [63].

В итоге изучение причин кризисов прошлых эпох в контексте демографически-структурной теории показывает, что породившие их причины уже не действуют в современных постиндустриальных обществах, в том числе и в России [64]. России уже не грозит аграрное перенаселение и революция

по типу 1917 года. Однако положения демографически-структурной теории остаются справедливыми для перенаселенных развивающихся стран. Это особенно актуально в последнее время в связи с волной социальных конфликтов и революций, охвативших страны Ближнего Востока. Эффективный демографически-структурный анализ этих событий и прогноз дальнейшего их развития был дан в последних работах известного востоковеда А.В. Коротаева [65].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сагг Е. What is History? London, 1962. P. 103.
2. Уколова В.И. Арнольд Тойнби и постижение истории // Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1996. С. 12.
3. См., например: Самуэльсон П.А. Экономика. Т. 1. М., 1993. С. 34-38.
4. Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998. С. 496; Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1984. С. 416, 420, 440, 442; «Хань Фэй-цзы» // Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1973. С. 261.
5. Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 22. Выделено Мальтусом.
6. Там же. С. 9, 18-22.
7. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Сочинения. Т. I. М., 1955.
8. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М., 2007. С. 468.
9. Там же. С. 467, 475.
10. Сорокин П.А. Голод как фактор. М., 2003. С. 305.
11. Цит. по: Ross E. Population Pressure and War // Scribners. 1927, September. P. 360.
12. Кейнс Дж. Указ. соч. С. 469.
13. Там же. С. 604.
14. Гитлер А. Моя борьба. М., 1992. С. 110.
15. Смулевич Б. Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики. М.-Л., 1936. С. 48.
16. Там же. С. 52.
17. Кейнс Дж. Указ. соч. С. 339.
18. Ross E. Op. cit.; Sanger M. Pressure of Population as a Cause of War // Margaret Sanger Papers, Sophia Smith Collection, Smith College, MSM S71:1124.
19. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ 1947) URL: www.wto.ru/ru/content/documents/docs/gatt47ru.doc
20. Кейнс Дж. Указ. соч. С. 602-603.
21. Цит. по: Сазонова Н.Ю. Основные направления деятельности ООН в области народонаселения развивающихся стран. М., 1981. С. 34.
22. Demography Washington. 1968. Vol. 5. N 2. P. 553.
23. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на XII сессии. 14 декабря. 1957 г. Нью-Йорк: ООН, 1957. С. 15.

Нефедов С.А.

24. Сазонова Н.Ю. Указ. соч. С. 46; Гузеватый Я.Н. Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980. С. 9 - 20; Княжинская Л.А. Рост населения и продовольственная проблема в развивающихся странах. М., 1980. С. 75-85.
25. Фактор Г.Л. В петле голода: трагедия развивающихся стран. М., 1989. С. 12.
26. Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.
27. Abel W. Crises agraires en Europe (XIIe –XXe siecle). Paris, 1973. P. 60-61.
28. Postan M. M., Titov J. Z. Heriots and prices on Winchester manors //Economical history review. Ser. 2. Vol 38. 1958-1959. P. 392-417.
29. Klapisch-Zuber C. Plague and family life // The New Cambridge Medieval History. Vol. VI. Cambridge, 2000. P. 128 -130; Freedman P. Rural society // The New Cambridge Medieval History. Vol. VI. Cambridge, 2000. P. 89 - 91.
30. Postan M. Same economic evidence of declining population in the later middle ages // The Economic History Review. Ser. 2. 1950. Vol. 2. № 3. P. 221-246.
31. Smith R. Demographic Developments in Rural England, 1300-1348//Before the Black Death. Studies in the “Crisis” of the Early Fourteenth Century. Manchester, 1991. P.49-50.
32. Mollat M., Postan M., Johansen P., Saponi A., Verlinden Ch. L’Economie Europeenne aux deux derniers siecles du Moyen age.// Relazioni del X Congresso internazionale di scienza storiche. Vol. III. Storia del Medioevo. 1955.
33. Brown Ph., Hopkins S. V. Seven centuries of building wages // Economica, aout 1955.
34. Abel W. Crises agraires en Europe... P. 400; Slicher van Bath B. H. The agrarian history of Western Europe A. D. 500-1850. L., 1963. P. 113.
35. Mousnier R. Les XVIe et XVIIe siecles. Les progres de la civilisation eupopeenne et la diclin de l’Orient (1492-1715). Paris, 1953; Slicher van Bath B. Op. cit; Glass D. V., Eversley D. E. Population in History. London, 1965. Cippolla C. M. Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000-1700. London, 1976 (итальянское издание вышло в 1969 г.).
36. Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l’histoire sociale de la France du XVII” siecle. 2 vols., Paris, 1960; Duby G. L’Economie rurale et la vie des campagnes de l’Occident medieval. 2 vol. Paris, 1962; Meuvret J. Euidies d’histoire economique. Paris, 1971; Chaunu P. La civilisation de l’Europe classique. Paris, 1984. Русский перевод: Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.
37. Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue duree // Annales, 1958, octobre-decembre; русский перевод: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 118.
38. Braudel F. Civilisation materille, economie et capitalisme, XVe-XVIIIe siicle. Vol. 1. Paris, 1967. Русский перевод: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках. Т.1. М., 1986.
39. Бродель Ф. Материальная цивилизация, С. 42–44.
40. Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1966. Vol. I-II.
41. The Cambridge Economic History of Europe. Vol. IV. The economy of expending Europe in the 16th and 17th centuries/ edited by E. E. Rich and E. H. Wilson. London and New York, 1967.
42. Histoire economique et sociale de la France. 4 vols. Paris, 1970-1976.
43. Postan M. M. The medieval economy and society: an economic history of Britain, 1100-1500. Berkley, Los Angeles, 1972; Ibid. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. Cambridge, 1973.
44. Wrigley E. A., Schofield R. S. The Population History of England, 1541-1571: A Reconstruction. Cambridge (Mass.), 1981.

45. Ibid. P. 446-478; Schofield R. S. Through a Glass Darkly: The Population History of England as an Experiment in History// Population and History. From the Traditional to the Modern World. Cambridge, 1986. P. 11-34.
46. Schofield R. S. Op. cit. P. 18, 30.
47. Lee R. Econometric Studies of Topics in Demographic History. New York, 1978.
48. Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, 1980.
49. Бродель Ф. История и общественные науки... С. 128.
50. Brenner R. The agrarian roots of European capitalism// The Brenner debate: agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe / editors T. H. Aston and C. H. E. Philpin. Cambridge, 1985. P. 224.
51. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991.
52. Ibid. P. 6-7.
53. Ibid. P. 24-25, 459.
54. Ibid. P. 30.
55. Ibid. P. 32-33.
56. Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007; Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Oxford and Princeton, 2003.
57. Dunning Ch. Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia?// Comparative Studies in Society and History. 1997. Vol. 39. № 3. P. 582-585.
58. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005; См. также: Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. I-II. М., 2010, 2011; Нефедов С.А., Даннинг Ч. О социально-экономических предпосылках Смутного времени // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2008. №3. С. 57-70.
59. Turchin P., Nefedov S. A. Secular cycles. Oxford and Princeton, 2009.
60. Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005.
61. Turchin P. Arise 'cliodynamics' // Nature. 2008. V. 454. P. 34-35.
62. Komlos J., Nefedov S. A. Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth// Historical Methods. 2002. Vol. 35. № 2. P. 92-94; Nefedov S. A. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // Chinese Journal of Population Science. 2003. № 3. P. 48-53 (на кит. яз.); Nefedov S. A. A model of demographic cycles in a traditional society// Social Evolution & History. 2004. Vol. 3. N 1. P. 69-80; Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton and Oxford, 2003; Нефедов С. А., Турчин П. Опыт моделирования демографически-структурных циклов // История и математика: Макроисторическая динамика обществ и государств. М., 2007. С. 151-167; Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Указ. соч.; Tsirel S. V. On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population// Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics. М., 2004. P. 367-369.
63. Нефедов С.А. Концепция демографических циклов... С. 45.
64. Алексеев В.В. и др. Факторный анализ российского исторического процесса. Екатеринбург, 2011.
65. Korotayev A.V., Zinkina J.V. Egyptian revolution: a demographic structural analysis // Entelequia. Revista Interdisciplinar. 2011. Vol. 13. P. 139-165; Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. (2011). Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. Т. 4. № 2. С. 5-29.